
Л. М. СМИРНОВ

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ И АБСТРАКТНЫЕ ГРАФЕМЫ

Вопрос «кто мы?» из относительно праздного или чисто познавательного превращается во все более жизненно важный. В связи с этим к концу XX века заметно усилилось и постоянно нарастает внимание к природе человека и, в частности, к природным основаниям относительно небольшого списка представленных в сознании всех его конечных предпочтений и допустимых способов их достижения – базовых ценностей. Проблема благополучия жизни людей на Земле все настоятельнее требует уточнения их роли, а также ограничений, вытекающих из природы человека, на его устремления, поведение и действия. Человечество вполне созрело, чтобы думать в масштабе биосферы и экосферы и, исходя из этого, соответственно уточнять свою систему ценностей. Однако, в отсутствие сиюминутной угрозы, говорить о готовности людей к пересмотру даже не списка (он, видимо, заметно ограничен природой человека), а иерархии и содержательного наполнения своих базовых ценностей в масштабах, сопоставимых, к примеру, с теми, что должны были сопровождать переход к земледелию и скотоводству, имеющиеся у нас данные не позволяют.

Число людей на Земле, превысив на рубеже веков 6 миллиардов, за прошедшее столетие увеличилось в 4 раза. Относительно благополучно при этом живет только «золотой» миллиард. Опираясь на достижения естествознания, человек, с некоторой оглядкой на возможность экологической катастрофы, наращивает перенаправление все более заметного количества ресурсов планеты на реализацию ограниченного набора своих базовых ценностей (включая и традиционные, и ценности приемлемой обществом модернизации). Естественно, при этом он не может не воспроизводить все более углубляющиеся проблемы продолжения собственной жизни в приемлемых условиях. Трудно не согласиться с тем,

История и современность, № 1, март 2006 000–000

что людям «...пора в поисках конечных смыслов обратиться к вещам более важным, чем они сами» (Sperry 1975: 257). Что же на сегодняшний день, исходя из данных эмпирических исследований, можно сказать о базовых ценностях, о распространенности ихприятия, содержательном наполнении, об их внутренней природе и связи с природой внешней?

Господствовавший на протяжении большей части XX века в социальных науках взгляд на то, что активность людей за очень редким исключением определяется только культурой (передается воспитанием), которая автономна от всего биологического (природного) оснащения человека, все чаще стал подвергаться законным сомнениям. (Для исследования ценностей из принципа чисто культурной детерминации социального поведения вытекает следствие – фиксация только распределения сознательно принятых базовых ценностей, или спекуляции о гипотетических размерностях ценностей или культуры без возможности проверки полноты охвата).

Нисколько не умаляя роль культуры в определении поведения людей, нельзя забывать о том, что она (если не возложить ответственность за появление и ее форм, и ее содержания на бога) сама не только возникает в эволюции благодаря, но и не абсолютно автономна, а в чем-то и ограничена этим самым биологическим, генетически закрепленным оснащением, особенно в области приемлемости предлагаемых форм. Кроме того, история конкретно сложившейся культуры одновременно в итоге есть закрепление удачных попыток организации наиболее эффективного взаимодействия сообщества со средой. Каждая культура в результате закрепляет свой способ организации взаимодействия с природной средой, опираясь на природу человека и учитывая специфику соответствующего вмещающего ландшафта. Однако закрепление удачных способов не означает оптимальных, что легко обнаруживается при изменении условий.

В результате синтеза заметно пополняющихся баз данных полевых и сравнительных исследований этнографов, антропологов, лингвистов и внимательного анализа того, что, в принципе, может претендовать на звание человеческой универсалии, становится ясно, насколько их много, даже только с точки зрения культурной антропологии (Brown 1991). Как и то, насколько диапазон наблюдаемого поведения людей – уже предположения о чистой произ-

вольности. Работа по установлению человеческих универсалий продвигалась бы быстрее, если бы многие специалисты, собиравшие в поле данные среди представителей разных народов и культур, не были, в силу полученного образования, нацелены, прежде всего, на поиск специфики и отличий культур. Можно встретить даже такое оправдание: то, что является общим для всех, можно изучать и дома, без полевых и сравнительных исследований. Конечно, можно, но нужно доказать или хотя бы показать, что нечто действительно общо всем.

Сделав упор на поиск устойчивых особенностей в ценностной сфере, на поиск универсалий в природе этой устойчивости, мы, не забывая и о специфике больших групп населения, неизбежно приходим к необходимости общепсихологического подхода. Отметим, что и при объяснении и интерпретации наблюдаемых данных во многих социальных науках явно, а чаще неявно, опираются на и исходят из справедливости существования общепсихологических, то есть присущих всем людям, характеристик людей.

Действительно, к примеру, есть всего два источника наших знаний об огромном, обычно именуемом «доисторическим», периоде в жизни людей на Земле, то есть до появления дошедших до наших дней памятников письменности. Нельзя не отметить, что все эти крохи материальных следов (первый источник), да и аналогии с жизнью групп охотников собирателей (которых в XIX и XX веках в Африке, Азии, Латинской Америке и Океании обнаруживают не только колонизаторы, прагматично настроенные на освоение ресурсов, или миссионеры, догматично настроенные на приобщение туземцев к «истинной вере», но и исследователи – второй источник), были бы совсем бесполезны в попытках как-то воссоздать картину жизни людей далеких эпох, если не признавать открыто или хотя бы не подразумевать существования известного постоянства, целостных структур, организующих любое сообщество людей. Иными словами, интерпретация многих данных была бы просто невозможна без признания наличия некоторой устойчивой природы человека. Именно опора на подразумеваемые при этом универсалии позволяет нам по отрывочным сведениям составить хотя бы некоторое представление о целостности, о жизни людей в те времена, которые не смогли, скорее, в силу используемых материалов, а не в силу отсутствия своей культуры оставить нам

сколь угодно детальных сообщений о специфике своей социальности, культуры и ее воспроизводства, об используемых символических формах.

Многие природные, детерминированные геномом, врожденные людям особенности вовсе не обязательно должны быть «животно-подобными», хотя бы уж потому, что заметная их часть, особенно с точки зрения возможностей символизации (усвоения языка, культуры), может и должна быть типична только для вида «человек» (*homo sapiens sapiens*). Не исключено, что многообещающая при своей заявке позиция социобиологии, все же не отошедшей от жесткой дихотомии – природа и не зависящая от нее культура, – изначально ограничившей свой анализ генетических корней социального поведения только общим и человеку, и животным, привела к тому, что их объяснения оказываются крайне интересны для интерпретации поведения животных, но пока мало что изменили в понимании социального поведения людей.

Построение единых принципов познания для естественных и гуманитарных наук было одной из далеких целей разработки своей системы еще у Р. Декарта. Единства подходов в познании пока не достигнуто. И. Кант в своих «критиках» жестко поставил вопрос о том, что наличие универсальных принципов и необходимости лежит в самом человеческом разуме. Они для Канта знаки проекции порядка, идущего от разума, а не принадлежит миру вне него, хотя здравый смысл обычно помещает его именно туда.

Попытки построить социальные дисциплины по образу естественных наук (а если быть точнее, обычно по схематичному, заметно упрощенному, а значит, и неизбежно искаженному образу, который имеют о них гуманитарии) невольно приводят к поиску особых способов описания и вычленения социальных явлений и феноменов, событий и поведения. Стараются в ходе таких попыток остановиться только на таких характеристиках и элементах, которые позволили бы построенные затем высказывания о закономерностях, связях между ними однозначно толковать либо как истинные, либо как ложные. Уже из-за этого складывающаяся картина очень не полна и мозаична, а рассматриваемые элементы не обязательно самые существенные для людей.

Естественно, социальные явления, их ход хотелось бы социологам и обществоведам, как и представителям многих других наук,

уметь более или менее точно предсказывать. Однако уже исследования логиков показывают, что ряд высказываний о будущих событиях (а предсказания и являются примерами таких высказываний), когда возможно вмешательство людей, не укладываются в рамки классической двужначной логики, а требуют для описания их истинности введения многозначной логики. Еще Аристотель в главе «Об интерпретации» говорил, что утверждение о победе одной из сторон в завтрашнем морском сражении, сегодня может быть отчасти истинным, отчасти ложным. Об истинности такого рода утверждений нельзя высказаться однозначно. И связано это с наличием активности людей, принципиальной возможности творческого акта, хотя не обходится и без многих чисто реактивных действий.

Рассмотрим высказывание «через месяц планета Земля окажется в такой-то определенной точке своей орбиты». Расчеты такого рода специалисты по небесной механике научились проводить с высокой точностью, однако нельзя исключить того, что, хотя и с малой вероятностью, активность людей может вмешаться в ход, казалось бы, чисто механического движения. К примеру, одновременный взрыв нескольких водородных бомб на одной из сторон земного шара вполне может придать Земле такой импульс, что внесет коррективы в орбиту планеты (да к тому же в дополнение к эффекту «ядерной зимы» может сделать разреженной атмосферу, оставив заметную ее часть на старой орбите).

Однако и помимо активности людей, которая в отдельных случаях могла бы стать самоубийственной, только сил природы вполне достаточно, чтобы Земля резко изменила орбиту, к примеру, после столкновения с каким-либо космическим телом вроде часто описываемого в фантастике крупного астероида. Впрочем, маловероятное появление космического «странника» не так уж и обязательно для не менее серьезных для жизни на Земле последствий. Достаточно идущих на самой Земле без вмешательства людей естественных процессов.

Например, при очень крупном извержении прибрежного вулкана вследствие попадания больших масс морской воды в образующую большую трещину (относительно недавний пример реальности извержения такого рода – вулкан Кракатау) мы рискуем оказаться свидетелями взрыва, вполне сравнимого по мощности со

всеми накопленными запасами ядерного оружия людей, и столкнемся с соответствующими последствиями. Одна из такого ряда катастроф – взрыв после извержения вулкана Санторина на острове Фера (около XV в. до н. э.) смыл 20-метровой волной налаженную, с высоко развитой культурой жизнь на острове Крит, что, видимо, предопределило угасание Мinoйской цивилизации.

Социальная же жизнь активностью реализующих свои ценности людей пронизана, и уже только потому она во многом принципиально не может быть хорошо предсказуема. Попутно такая ситуация способствует укреплению позиции о резком разделении природы и культуры. Основная причина непредсказуемости социальной жизни, на наш взгляд, состоит в том, что имеется неопределенность в принятии ряда очень важных решений (выборов из альтернатив), которые только будут приняты разными людьми. Некоторые философы утверждают, что даже заметное продвижение в социальном познании, когда кто-то на основе своих новых «полных» знаний закономерностей развития общества будет готов дать достаточно точный прогноз действий многих людей в будущем, не сможет отменить этой основы для неопределенности. Действительно, теперь «знающий» сам будет перед выбором: вмешиваться ему или нет, как и в какой мере, призывать ли других изменить ход событий – все это будет зависеть от разделяемых им ценностей. И тогда неопределенность, в принципе, не исчезнет, хотя знание его базовых ценностей может помочь эту неопределенность снизить, так же, как знание жизненных принципов людей, разделяемых культурных норм и установок помогает нам в повседневности делать немало сбывающихся предсказаний поведения окружающих.

Оценки и на их основе выбор решений следует рассматривать как проявление духа, а не голого рационализма, они есть акт обращения к ценностям (иногда неосознанно, иногда как само собой разумеющееся), и даже в случае рациональных и прагматичных решений политиков или бизнесменов не обходится без обращения хотя бы к одной ценности – власти или пользы.

И все же, если не рассматривать действий, обязанных новизной прогрессу техники, а обратиться к тому, к чему стремятся, чего добиваются люди, в поступках людей «ничто не ново под луной». Конкретных решений, их последовательностей и сочетаний может быть много, но опирающееся на них реально наблюдаемое поведе-

ние почему-то укладывается в некоторые пусть широкие, но жестко заданные русла. Если бы все решения были, действительно, безгранично произвольны, то мы имели бы гораздо более широкое разнообразие репертуара поведения людей. Однако ни принимаемые решения, ни наблюдаемое поведение не нарушают того порядка, который присущ людям и определяется границами, задаваемыми их биологическим оснащением. Понимание логики этой организации порядка не приходит как результат чисто логического или рационального вывода и, может быть, поэтому называется мудростью.

Выстраивая вербально и образно свою картину мира, ментальную «модель» реальности, многими и сегодня наивно принимаемую за саму данность мира, человек руководствуется, скорее, готовыми символическими формами, а не требованием ее полноты или аргументами, пробивающимися из действительности и выражающими линии ее упорядоченности. Чтобы психическая модель мира оказалась для людей полезной, она в каком-то смысле должна быть адекватна по крайней мере задачам выживания. Человек имеет «потребность» в структурировании окружающего, в обладании целостной, максимально обобщенной и, тем самым, законченной картиной, объясняющей как сам мир, так и образ жизни, природу других людей и т. п. Причем в массе эти объяснения не обязательно развернуты и четко сформулированы; в лучшем случае это мало связанный набор принципов и соответствующих «притч».

Мы уже подчеркивали, что человеку важна уверенность в обладании верной целостной картиной видения окружающего его мира. Основательное словесное изложение комплекса реальности с доисторических времен давал миф. И сегодня человеку вследствие мозаичности добываемых знаний не получается синтезировать действительно научное, а не мифическое представление о мире в целом, в том числе и о себе самом. В качестве реакции на эту ситуацию появились даже высказывания о закате роли научного и, прежде всего, естественнонаучного познания в создании картины мира людей. Хотя нельзя не отметить, что роль самой науки, особенно благодаря распространению мифов о ней средствами массовой информации, несомненно, падает и из-за трудностей понимания последних достижений не специалистами, и из-за невозможности дать целостную, а не мозаичную, с огромными пробелами картину массовому сознанию. На этом фоне не может не активизироваться никогда не исчерпавший канал мифического и мистического способа обобщения.

Другой способ создать у человека иллюзию полноты его картины мира, широко практикуемый культурой любой цивилизации (поначалу, может, только на уровне вождя, властной элиты), заключается в том, чтобы снабдить его принципами, стандартами, достаточно универсальными для оценки либо любой ситуации, либо широкого спектра ситуаций. В сфере сознания это тщательно, при опоре на природу человека веками отработанные в культуре терминальные и инструментальные базовые ценности.

Для индивида базовые ценности выступают как его собственные конечные предпочтения. Поэтому культура не может предлагать произвольный список, базовые ценности, чтобы стать действенными, не могут не опираться на природу человека. Основания самих ценностей бесполезно искать в сознании, они коренятся в специфически человеческой биологии, приобретенной в ходе эволюции человека, в специфике развития у него социальности, в том неосознаваемом психическом, которое исторически было предшественником его сознания. 1,5 миллиона лет охоты и собирательства не могли пройти бесследно.

Можно вспомнить, что уже С. Кьеркегор в своем известном анализе свободы человеческого выбора (в работе 1843 года: **Или/или**. – М., 1993. – С. 205–207) старался показать, что все базовые принципы этики должны быть индивидуально выбраны без какого-либо критерия. Не вытекая логически из какого-то человеческого стандарта, они для каждого необходимо абсолютны и, по его мнению, высказанному в последующих работах («Страх и трепет» и др.), от Бога. После осмысления идей Дарвина, Менделя и Юнга, последних данных лингвистов, антропологов и генетиков есть все основания сказать: истоки базовых ценностей надо искать в природе человека. Культура предоставляет только определенные средства их выражения.

Ограничения на возможный список базовых ценностей связаны с генетически закрепленными допустимыми пределами (признавать которые не очень приятно) на пути развития сознания людей. Пределы, которые можно выявить при внимательном рассмотрении того, как люди познают мир, постоянно наталкиваясь на одни и те же «вечные проблемы», сколь оказывается труден синтез накапливаемых знаний. А также при рассмотрении того, от чего человек испытывает радость и удовлетворение в своей жизни, чему огорча-

ется, от чего испытывает гнев и страх, независимо от разнообразия культурного багажа, социальных условий и воспитания.

Учитывая специфику нашего сознания, наука, как одно из подразделений культуры, так же приспособливает свою репрезентацию реальности ограниченным возможностям познания человека и для сокращения избыточности идет тем же понятным для человека путем. Целостное описание сводится к формулировке достаточно универсально действующих принципов. С появлением телевидения все большее значение в навязывании большим массам населения «нужных» форм наполнения содержанием отдельных ценностей вместе с попытками дискредитации других (обычно из традиционалистского ядра) играет тиражирование мифов, типажей, стереотипов.

Людей во все времена не покидает надежда, что за внешней случайностью событий, за сложившимся ходом истории людей скрыты пока еще им мало известные, однако какие-то ясные и четкие правила, закономерности, делающие никем не предсказываемый, но реально наблюдаемый ход событий неизбежным. Долгое время источником стабильности социальной жизни признавалось то или иное все ведающее высшее божество. Однако для объяснения того, что результат в виде реальной жизни никогда не совпадает с планами отдельных людей, нет необходимости обращаться к загадочной, неизвестной воле богов, достаточно факта наличия активности реализующих свои ценности многих людей, которая, как правило, мало согласована, а иногда и разнонаправлена.

Э. Дюркгейм, стараясь строить социологию по образу естественных наук, исходил из идей крайней социологизации. Все в человеке и его поведении определяют социальные условия и соответственно культура. Выбор отдельного человека, индивида оказывался заранее предрешен и выпадал из рассмотрения. Так, в классической работе «Самоубийство» он впечатляюще показал, что столь, казалось бы, глубоко индивидуальный акт имеет мощную социальную предопределенность. Нельзя при этом не отметить, что тщательная проверка через 30 лет тех закономерностей, которые он описал в своей работе как незыблемые, не подтвердила их новыми материалами о самоубийствах.

М. Вебер же настаивал на обращении к парадигме действия, согласно которой социальные явления – итог действий индивидов,

агрегированный результат их активности. Действие же каждого предопределено его духом, психологией, детерминируется его мотивацией, которую наблюдатель, как такой же носитель духа, в состоянии понимать. В одних и тех же условиях люди с разной мотивацией будут вести себя по-разному.

Регуляция активности людей включает многие элементы, среди которых выделяется роль принятых, разделяемых данным человеком разнообразных диспозиций. В эксперименте можно выявить ряд диспозиций разного уровня универсальности и обобщенности. Например, в полевых работах социологов фиксируются разделяемые человеком базовые ценности, принятые им социальные установки, нормы поведения, сложившиеся предубеждения и т. п. Однако существует «вечная» проблема расхождения выявленных диспозиций и реального поведения. Действительно, с одной стороны, наличие диспозиции является необходимым, но не достаточным условием конкретного поведения, последнее определяется и другими факторами, часто ситуативными. С другой стороны, полученные в опросе данные о диспозициях нередко оказываются смещены разного рода представлениями о социальной желательности и «политкорректности» отвечавших, напором обсуждения в СМИ и т. п. К тому же не всякая готовность действовать определенным образом осознается адекватно.

Базовые ценности, разделяемые человеком, несомненно, важная часть его субъективного опыта. Есть, однако, очень серьезные проблемы достижения объективности любых проверок того, что связано с субъективным опытом. Кто и как может убедиться в реальности содержания образа, вызванного словами (рассказом, поэмой и т. п.)? Только со слов пережившего этого.

Есть несколько причин, по которым язык имел и будет иметь особое значение для изучения природы человека, в том числе и как форма выражения его конечных предпочтений. Во-первых, это истинно видовое свойство, уникальное по существу для человеческого вида, часть нашей общебиологической оснащенности, наследуется с малыми вариациями среди людей, за исключением довольно серьезной патологии. Во-вторых, язык – мощный и посредник, и носитель мысли, намерения, что сказывается на регуляции действий и социальных отношений. И, наконец, для обладателя сознания немало-

важно, что язык относительно доступен для изучения. Уже Декарт и его последователи отмечали, что использование языка инновационно, не ограничено, относительно свободно от контроля внешними стимулами или внутренними состояниями, при этом логически связано и соответствует ситуациям, оно порождает мысли и переживания у слушателей. Нормальная речь – это не просто повторение уже слышанного, а производство новых лингвистических форм. Тут и серии случайных попыток (особенно у ребенка), соответствующих ситуации, которая их вызвала, но не определила. Н. Хомский (1988) различает знание и использование языка. Например, два человека знают произношение, принятое в некотором языке, значения слов, понимают структуру предложения – знания идентичны. Но один – поэт, а другой говорит клише, как и многие. Поэтому способность использовать язык, в принципе, можно развить без изменения его знания. Ребенок, изучающий язык, имеет интуитивное понимание ряда концепций, таких, как физический объект, человеческое намерение, его нарушение, причина, цель и т. д. Они создают систему опоры для мысли и языка и общи всем языкам в мире. Хотя конкретные языки могут отличаться в значениях сходных конструкций. О том, сколь эта система отсчета может изменяться под влиянием опыта и культуры, можно обсуждать, однако несомненно то, «что пополнением словаря руководит богатая и инвариантная концептуальная система, которая априори любому опыту».

Опыты по обучению животных (гориллы, шимпанзе, особенно бонабо, орангутанги) некоторым рудиментам языка человека нельзя с точки зрения достигаемого уровня овладения и особенно продуцирования назвать успешными. Однако их результаты очень важны с другой точки зрения. Да, до того как этих животных стали обучать люди, они и не пытались использовать, пусть нетвердо, символы. Но сами факты достижения ими в ходе кропотливой работы хоть какого-то уровня овладения символами свидетельствуют о том, что природа этих животных, а не только человека, не стоит непреодолимым барьером для использования символов, их биологическое оснащение допускает такую способность. Тут для животных в каком-то смысле обнаруживается своего рода «зона ближайшего развития» (термин Л. С. Выготского). И при каких-то условиях их эволюция могла на основе уже имеющегося у них биологиче-

ского оснащения пойти дальше – может, плавно, а может быть, и сделав резкий скачок в использовании символов.

Похоже, что ребенок приступает к заданию овладения языком, обладая богатой концептуальной системой отсчета, а также богатой системой принятых положений о звуковой структуре и о более сложных высказываниях. Они составляют часть человеческого биологического оснащения, которое должно быть разбужено опытом и должно быть отточено и расширено в ходе взаимодействий ребенка с людьми и материальным миром.

Иногда биологи говорят о «языке» животных, имея в виду их систему коммуникаций. Язык же человека гораздо больше, чем просто система коммуникаций. Он используется для выражения мыслей, для установления межличностных взаимоотношений и вне чисто коммуникативных задач, например, для игры и еще многого другого. В отличие от упрощенных, искусственных языков, имеющих максимально четкую и простую структуру, естественный язык, которым легко овладевает ребенок (или аналог которого развивают слепые или глухие при малейшей внешней стимуляции), имеет более сложные концепции и принципы. А ребенок, как показали специалисты, и без обучения овладевает этими сложностями. А как убедиться в реальности не осознаваемых человеком вещей, к примеру, архетипического и т. п., а не тех, что, согласно Фрейдю, были ранее вытеснены из сознания, а затем, проявляясь в его снах, в замеченных другими оговорках или будучи специально выявленными в ходе терапевтической работы (анализа), впоследствии могут быть хотя бы частично возвращены обратно в сознание?

Выходя в рассмотрении чего-либо на уровень психики, включая и сознание, и неосознаваемые области психического, нередко забывают о некоей несимметричности. Если мир духовный, которым так гордится человек, убрать, то мир реальный будет и дальше существовать и ничего в нем не изменится, за микроскопическим исключением – не станет действий интенциональных, исходящих из мира духа. Действий, сводящихся пока только к легкому перенаправлению, и то не всегда с точки зрения собственной экологии успешно, потоков уже существующих процессов, что для жизни на Земле в целом оканчивается обычно уменьшением ее разнообразия, хотя на время и увеличивает комфорт для части людей.

Упомянем такую крайнюю точку зрения, что никакого реального мира, доступного или плохо доступного познанию, вообще не существует (ведь достаточно закрыть глаза и мир исчезнет), как еще один пример одной из «вечных» проблем, которые порождены и все время воспроизводятся, скорее, ограниченностью (заданной во многом глубинными структурами языка) логики рассуждений человека. Иными словами, логикой мира его духа: ведь только этот мир озабочен этой проблемой. Эта проблема воспроизводится несмотря на ряд успехов познания реалий мира. В существовании таких проблем, видимо, еще одно указание, сродни кантовскому, на несоответствие данности вне сознания и репрезентации реальности в сознании. А также напоминание о необходимости для людей посредничества в этом процессе различных символических форм, когда видится не реальность сама по себе, а то, к чему подготовлены все мы в ходе воспитания в широком смысле. Такая подготовка, впрочем, при всем разнообразии подходов и методов педагогических воздействий, не может противоречить априорному, архетипически организованному порядку, о котором говорил Кант, и успеха в ней добиваются только при опоре, не всегда ясно выраженной, на этот порядок.

Несмотря на все трудности, попытки эмпирического изучения ценностной сферы сознания людей не прекращаются. Повседневный опыт подсказывает нам, что реально существует целостность, единство природной и духовной жизни людей. И, несмотря на кажущееся разнообразие подходов и соответственно многообразие граней, которые может описать исследователь этой целостности, можно в качестве гипотезы исследования предположить, что есть ограниченный набор типов структур, такое единство описывающих. Пока еще не разработаны методы, которые, к примеру, учитывали бы нелинейность мира или описывали самодействие, что для полноты описания целостности в будущем станет необходимо, а пока почти все имеющиеся методы снижения размерностей линейны. К тому же человеку, который, может, даже и сам ведет исследования одной из граней, представление результатов о других гранях реальности только через линейные связи и кажется убедительным.

Перейдем к обсуждению полученных нами в целом ряде комплексных исследований ценностной сферы данных. Ценностная сфера (включая и «тень») содержит в виде набора принципов также

и кратко изложенную картину представлений о природе человека, набор всех его конечных устремлений и способов их достижения. Частично становление определенного списка базовых ценностей – это становление в культуре представлений о человеке, фиксация его «вечных» особенностей и идеалов, затрагивая не всегда явно и глубинные структуры. В работе (Смирнов 2002б) кратко изложены основные итоги объемного комплексного исследования, включающего уточнение психосемантическим методом списка базовых в русской культуре ценностей и, впервые для полноты, тем же методом получение списка антипредпочтений, своего рода «тени». Из обсуждения результатов опросов о важности ценностей и неприятии «тени» (отдельно для себя, отдельно для страны) ясно следует вывод о том, что имеется много хорошо воспроизводящихся на каждой из четырех репрезентативных населению Томской области (всего более 6000 человек) выборках структурных особенностей. Выявленные таким образом хорошо воспроизводящиеся структурные особенности следует отнести к своего рода «тонким» структурам. Действительно, с одной стороны, специфика выбора ценностных предпочтений рассмотренными группами, хотя и устойчиво воспроизводится на всех четырех выборках, все же за редким исключением оказывается не настолько в количественном плане существенна, чтобы можно было говорить об этих группах как о кардинально отличных от выборки в смысле ценностного выбора. Статистически значимые отклонения выбора отдельных ценностей группой от доли этой группы в выборке редки и далеко не всегда превышают 10 %. Поэтому анализ дает немало оснований говорить об отсутствии резкой дифференциации групп населения при осознанном отборе ими отдельных ценностей или антипредпочтений. С другой стороны, игнорировать действительно устойчивые, пусть и небольшие различия в специфике осознанного выбора ценностей разными группами населения, которые складываются в постоянно воспроизводящуюся структуру такого выбора, было бы неверно.

Полученная «тонкая» структура осознанного выбора требует некоторого уточнения. С точки зрения описания более наглядно выглядят устойчиво воспроизводящиеся плавно нарастающие или убывающие изменения предпочтения выбора той или иной ценно-

сти с возрастом или уровнем образования. Ряд таких описаний дан в работе 1997 года (Смирнов 1997). Уточнения требует и разделение случаев «маскировки» кардинально других предпочтений под малозаметные, хотя и стабильные проявления «тонкой» структуры и случаев реального отражения этой структурой действительно существующих различий в предпочтениях. И тогда относительно небольшие величины отклонений все же смогут хорошо описать специфику ценностных предпочтений рассматриваемых групп.

Нельзя не отметить, что немало чисто структурных особенностей постоянно воспроизводится на разных ранее анализировавшихся нами выборках, в том числе и на трех общероссийских. Естественно, они были зафиксированы и на четырех выборках при анализе специфики выбора ценностей в связи с полом, возрастом, образованием и рядом других характеристик людей, и впервые в наших данных это сделано для «тени». Тем самым очень устойчивое воспроизводство таких пусть и частных структур полностью отвергает предположение о чисто случайном наборе ценностей в ответах индивида. Вывод тут простой: модель декларируемых ценностных предпочтений людей, изучаемых методом массового опроса, нужно базировать не на логике вероятностей. Данные, полученные в этой работе и ранее, указывают на то, что декларируемый выбор базовых ценностей в конкретной культуре составляет какую-то свою устойчивую специфическую, может, латентную структуру. Частные же проявления наличия структуры свидетельствуют о том, что мы имеем дело с проекциями сложной целостной структуры на плоскости, задаваемые используемым нами инструментом.

Представленные в той работе данные о специфике декларируемых ценностных предпочтений имеют свою значимость. Это важно всем, кто стремится понять специфику ядра сегодняшней российской культуры, оценить ее динамику, всем, кто, так или иначе, в своей работе не может по тем или иным причинам не учитывать разделяемых людьми в массе ценностей. Ряд широко бытующих стереотипов не нашел уверенного эмпирического подтверждения, часть же «мифов» о типичных для той или иной группы населения ценностях и антипредпочтениях оказалась достоверно справедливой. Задача же выявления стоящей за выказываемыми предпочтениями структуры требует привлечения новых методов и обращения

к неосознаваемым основаниям выбора. Для выхода за пределы чистой феноменологии сознания и обращения к новым размерностям, универсалиям нами была предложена проективная методика (2002a). На одной из упомянутых выборок, репрезентативных населению Томской области (1512 человек), была показана неслучайность ассоциирования базовых ценностей и относительно универсальных графем (2002b).

Свои поиски графического материала для составления проективной методики мы, естественно, начали с неолитических образцов изобразительного искусства, отбирая из них только то, что во все времена и в любом месте используется в графических образах вплоть до сегодняшнего дня. Особый интерес представляют также ранние детские рисунки, созданные до того возраста (около 30 месяцев), когда дети начинают находить в своих каракулях смысл и видеть изображения предметов. Так, Кэлог (Kellogg 1969), анализируя большое множество таких рисунков, выделил 20 основных категорий, которые типичны для детей из самых разных стран мира.

Образы, иногда рассматриваемые и обсуждаемые клиницистами юнганского и других направлений психоанализа в качестве архетипических, как правило, конкретны, а значит, в своем выражении культурно и соответственно исторически специфичны. Речь идет как об описываемых в статьях и работах, так и о собранной в Архиве для исследований архетипического символизма (The Archive for Research in Archetypal Symbolism – ARAS¹) коллекции около 13 000

¹ Множество оригинальных иллюстраций древних символических предметов культуры было собрано Olga Froebe-Karteup в ее поместье на озере Maggiore в южной Швейцарии, где каждый год в конце августа, начиная с 1933, она проводила собрания общества «Eranos». Она собирала образы, чтобы иллюстрировать тему каждого летнего собрания общества. В 1946 она передала свою коллекцию изображений предметов культуры в Институт Warburg в Лондоне. Фотодубликаты архива были переданы Институту К. Юнга в Zurich и в фонд Bollingen в Нью-Йорке. Jessie E. Fraser, библиотекарь клуба Аналитической психологии в Нью-Йорке, начала редактировать и разрабатывать архив, расширяя диапазон его содержания, собирая, сортируя и классифицируя этот материал. В конечном счете коллекция в Нью-Йорке, теперь составляющая Архив для исследований первичной системы символов, была приобретена фондом К. Юнга Нью-Йорка. Копии коллекции имеются также в Институтах Юнга в Сан-Франциско и в Лос-Анджелесе. К. Г. Юнг был сторонником точки зрения, которая настаивает на трансперсональных и символических связях, превосходящих культурные и теологические границы. Эта идея лежит в основе архива. Хотя психологическая интерпретация при описании изображений сильно опирается на теорию архетипов Юнга, универсальная природа системы символов на культурном и религиозном уровне базовая для этой секции. Описания изображенного предмета культуры помимо анализа архетипической темы содержат библиографию, время и место создания, детали мифа, культа или ритуала.

фотографий памятников материальной культуры, остатков материальной культуры древнего человека, мифологических, ритуальных и символических образов, собранных из всех уголков мира и представляющих все эпохи человеческой истории от палеолита до современной. Как в образах из снов, так и из произведений искусства, предметов культов и т. д. выделены мифические темы, соотносимые аналитиками с архетипами, например, образ героя положительного и отрицательного, персонифицированного и обезличенного, образы матери, женщины, положительные и отрицательные, от девочки до старухи, от заботливой до ведьмы, образы мудрого старца, младенца, образы рождения, становления, умирания и т. п. Коллекция послужила материалом для издания двух томов «Энциклопедии архетипического символизма» (Moon 1997; Encyclop...1996).

Этот материал представляет большой интерес для уточнений, сравнений и вычленения общих тем архетипов, называя которые, К. Юнг сильно опирался на такое их проявление, как мифы народов мира. Собранный база данных полезна и для сравнительной мифологии, и для религиоведов, и для историков цивилизации. Однако все ли проявления архетипов (отметим, уже Юнг говорил об их огромном числе) можно свести к этим темам? Все ли архетипические образы должны иметь конкретно культурно-заданную форму? При составлении нам было важно максимально уйти от конкретно исторического воплощения, которое несет в себе не одну только архетипическую тему. Конкретное изображение к тому же отличает «плотная схема» (Goodman 1968: 252–255) и, следовательно, отсутствие возможности однозначной артикуляции (в отличие от языкового описания), а также то, что небольшое изменение в цвете, толщине линий или текстуре делает наше «чтение» такого изображения в чем-то отличным от первоначального. Поэтому очень конкретные изображения из архива при отборе материала для проекции не могли нам помочь.

Нас привлекла другая графика, которая, как и орнамент, не имеет содержательного наполнения, понятийно культурной специфики (чисто ритм, структура, не отягощенная шелухой конкретики, созвучная неосознаваемым структурам априорной психики и потому энергетически насыщенная как положительной, так и отрица-

тельной энергией), а облакает наглядностью некие мировые формулы бытия. Если орнамент кажется лишенным трансцендентального содержания, то это – по малой доступности его предмета сознанию, не привыкшему к орлиным взлетам. Как правило, люди не много внимания обращают на бесконечное разнообразие повторяющихся паттернов и мотивов, которые часто встречаются им. Обычно их принимают за фон и редко анализируют. Еще реже задаются вопросом, что это и почему же человечество испытывает это универсальное стремление, прилагая немало энергии, покрывать вещи точками и завитушками, шахматным рисунком и цветочными паттернами и т. п. Не было описано народа или культуры, которая бы не имела традиций использования орнамента.

Еще одно важное основание устойчивости использования орнамента предложил Е. Гомбрич, отметив, что «декоративные формы и паттерны дают человеку удовольствие пережить чувство порядка, создавая и разглядывая простые конфигурации безотносительно их соотносительности к реальному миру. Мир, который человек обычно создает сам для себя, – мир простых геометрических форм» (Gombrich 1979).

Подавляющее большинство отбравшихся нами символов, не являясь ни изображениями предметов, ни существами из привычной среды обитания, ни конкретно мифическими или религиозными персонажами, хотя и не могло при том или ином конкретном употреблении избежать влияния культуры, но оставило за собой универсальный характер. В результате в качестве искомого материала для составления проективной методики было решено использовать графические зрительные образы или символы, которые предположительно связаны с архетипами. Архетипы не имеют простого словесного оформления, выраженные в понятиях, они перестают выполнять свою функцию априорной формы психики. Задача архетипа – как дать общее русло для развития человеческого сознания, так и восстановить структуру сознания в критических ситуациях (болезни, обесмысливание жизни и т. п.) или уберечь от уж слишком односторонней рациональной сознательной картины мира, которая может отсечь нечто очень для природы человека жизненно важное.

Таблица 1

Среднее число совпадений выбора ценностей, приходящихся на символ				
между группами возрастов	между группами по образованию	мужчины и женщины	между группами по социальному самоощущению	символ
2,8	4,3	4	2,0	символ 1
3,8	4,3	4	2,8	символ 2
2,5	3,3	2	3,2	символ 3
4,2	3,0	5	3,3	символ 4
2,8	2,3	3	2,7	символ 5
2,2	2,3	3	1,8	символ 6
3,5	4,3	4	4,5	символ 7
3,8	4,7	3	2,7	символ 8
3,3	3,0	4	3,5	символ 9
3,3	3,7	4	2,8	символ 10
3,3	2,3	4	3,3	символ 11
3,8	4,3	5	4,0	символ 12
3,5	3,7	5	3,5	символ 13
4,5	4,0	4	3,8	символ 14
2,5	1,7	3	2,8	символ 15
2,5	3,7	4	2,5	символ 16
2,8	3,7	3	3,7	символ 17
2,7	2,7	3	2,7	символ 18

Несмотря на выявленные групповые различия в трактовке графем, по результатам проведения методики на выборке в 1512 человек следует специально отметить тот факт, что смысловые поля представителей разных групп пересекаются в достаточно большой степени. И если из полученных данных следует, что в ведущей пятерке ассоциаций у всех четырех рассмотренных групп, как правило, совпадают одна-две ценности, то данная таблица, наоборот, показывает высокую степень пересечения выявленных четырех множеств ведущих ассоциаций. В целом, они одни и те же у представителей всех анализируемых групп, и если в одной из групп какая-либо ведущая ассоциация других трех групп не входит в аналогич-

ную пятерку ведущих, то, скорее всего, данная ценность занимает в этой группе шестое или седьмое место. Высокая степень пересечения ассоциативных полей самых разных подгрупп выборки (а сказанное относится и к разновозрастным группам) означает: смысл, вкладываемый людьми в абстрактные графемы, обуславливается какими-то общими для всех этих людей факторами. Определение же этих факторов – задача будущих исследований.

Подводя итоги, можно отметить, что проведенное исследование позволило выявить имеющие неслучайный характер связи между базовыми ценностями людей и абстрактными графемами. Характерно, что тенденция к установлению этих связей обнаружена в самых различных социально-демографических и социально-психологических слоях и группах населения, что подтверждает общечеловеческую природу установленных закономерностей. Полученные данные помещены в приведенной ниже таблице. Отсутствие ассоциаций, совпадающих во всех анализируемых группах, обозначено в таблице 2 буквой О.

Таблица 2

№	Графемы	Среди первых пяти ценностей, ассоциирующихся с данными символами, одновременно встречаются			
		у мужчин и у женщин	в трех группах с разным образованием	в четырех разновозрастных группах	в четырех группах с различным социальным самочувствием
1	2	3	4	5	6
1		Свобода, Равенство, Покой, Природа	Свобода, Равенство, Покой, Природа	Покой, Свобода	О
2		Стабильность, Покой, Законность, Порядочность	Стабильность, Покой, Законность	Стабильность, Покой, Порядочность	Стабильность, Покой
3		Успех, Достаток	Успех, Удовольствие	Успех	Успех, Достаток

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
4		Семья, Внимание к людям, Природа Сотрудни- чество, Ми- лосердие	Семья, Внимание к людям	Семья, Внимание к людям, Природа	Семья, Внимание к людям
5		Порядоч- ность, Справедли- вость, Достаток	Равенство	Равенство	О
6		Милосер- дие, Вера, Уважение к родителям	Уважение к родителям	О	Вера
7		Стабиль- ность, Долг, Законность, Убеждения	Власть, Стабиль- ность, Долг, Законность	Власть, Стабиль- ность	Власть, Стабиль- ность, Долг
8		Покой, Родина, Мир	Покой, Ро- дина, Мир, Здоровье	Покой, Родина, Здоровье	Покой
9		Удовольст- ие, По- кой, Лю- бовь, Успех	Удовольст- вие, Мило- сердие	Удовольст- вие, Мило- сердие	Удовольст- вие, Покой
10		Труд, Законность, Власть, Профессио- нализм	Труд, Законность, Равенство	Труд, Законность	Труд, Законность
11		Творчество, Природа, Свобода, Независи- мость	Творчество	Творчество, Природа	Творчество, Природа

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
12		Дружба, Любовь, Сотрудни- чество, Равенство, Согласие	Дружба, Любовь, Равенство, Согласие	Сотрудни- чество, Равенство, Дружба	Равенство, Дружба
13		Могущест- во, Творчес- тво, Смысл жизни, Раз- витие, Об- разование	Могущест- во, Творчес- тво, Обра- зование	Могущест- во, Творчес- тво, Обра- зование	Могущест- во, образо- вание
14		Безопас- ность, Ро- дина, Мир, Стабиль- ность	Безопас- ность, Ро- дина, Мир, Стабиль- ность	Безопас- ность, Ро- дина, Мир, Стабиль- ность	Безопас- ность, Ро- дина, Мир
15		Профессио- нализм, Образова- ние, Разви- тие	Образова- ние	Образова- ние	Образова- ние
16		Равенство, Свобода, Развитие, Сотрудни- чество	Равенство, Независи- мость, Раз- витие,	Независи- мость	Равенство
17		Природа, Любовь, Успех	Природа, Любовь, Успех	Природа, Любовь	Природа, Любовь, Успех
18		Безопас- ность, Семья, Уважение к родите- лям, Обра- зование	Безопас- ность, Семья	Безопас- ность, Семья	Безопас- ность, Семья

Более того, применение проективной методики позволило проявить несознаваемые представления о близости ценностей и, опираясь на них, выделить среди списка базовых ценностей блоки. Что в свою очередь, дало возможность совершенно по-новому рассмотреть процесс и основания выбора ценностей в ходе массовых опросов.

В свое время М. Рокич (1973) для американской культуры пробовал, обобщая данные общеамериканского опроса по своей широко известной методике, выделять латентные структуры ценностей. Ш. Шварц сознательно сначала теоретически, а затем путем опросов во многих странах старался выделить общие всем людям объединения базовых ценностей, назвав их мотивационные типы. Нельзя не отметить, что и для получения факторов, выявленных Рокичем, и для выделения мотивационных типов, по Шварцу, составленные ими списки терминальных и инструментальных ценностей использовались вместе, составляя по результатам факторного анализа у М. Рокича и по результатам многомерного шкалирования у Ш. Шварца (1992, 1995) соответствующие совместные блоки. Однако, к примеру, соответствующие нагрузки или веса у многих ценностей, входивших в факторы оказались довольно малы, не все ценности из списков оказались охвачены и потому сами факторы, приводимые в работе М. Рокича (1973), трудно интерпретируемы, причем наиболее высокие веса, определяющие содержание направленности факторов, получали инструментальные ценности. Вардомацкий (1989) также отмечал, что на основе его массива данных, выделение факторных структур не удалось. Наличие мотивационных типов нашло неплохое (не проявился как отдельный только один из предсказываемых типов – духовность) подтверждение на данных, собранных в разнообразных культурах (Европа, Латинская Америка, Африка). Однако данные четырех китайских выборок (как континентальной, так и диаспоры в одной из стран), а также тайванских плохо согласовывались с другими в сфере коммуни-тарной и смешанной, хотя неплохо совпадали в индивидуальной. И вновь отметим, что наибольшую согласованность между выборками вновь продемонстрировали инструментальные ценности.

Итак, чтобы хотя бы в первом приближении для имеющегося у нас списка ценностей обойти произвольный самообман испытуемых в декларируемых ответах об их значимости или важности,

было решено опереться на данные о близости ценностей, собранные с помощью проективной методики, вне заданий сознательного сравнения значимости ценностей.

Эти данные (смотрите таблицу в работе: Смирнов 2002б) позволили нам провести необходимый кластерный анализ сходства неосознанных эмоциональных реакций на базовые ценности. Для объединенной выборки (более 6000 человек) после вращения было получено три ясно выделившихся компонента (см. табл. 1 в работе: Смирнов, 2002б).

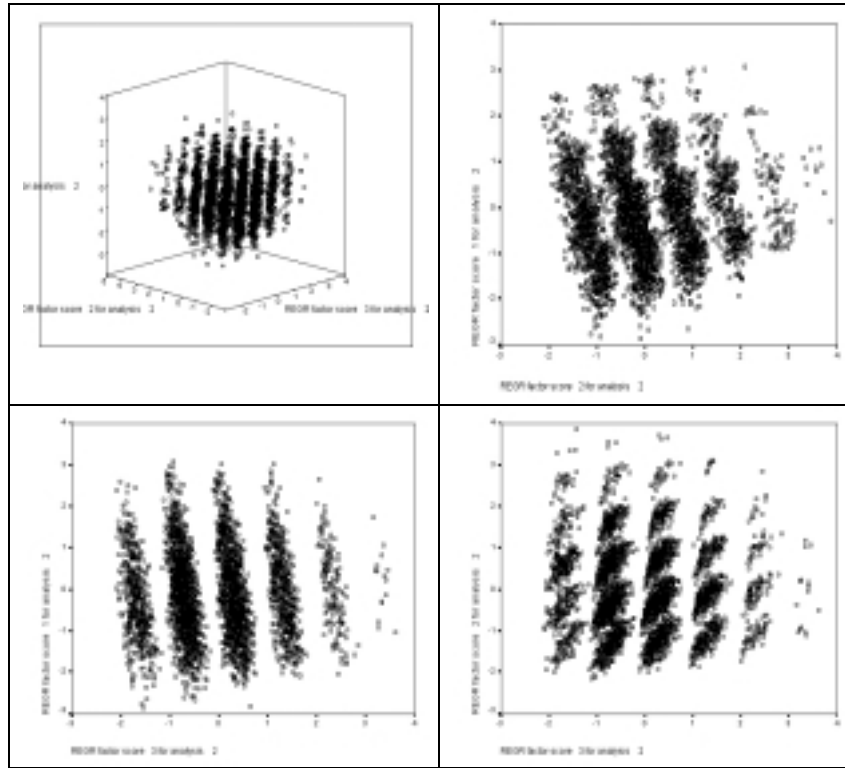
При рассмотрении проекций распределения людей на плоскости, образованные попарно факторами, оказалось, что наиболее наглядно (смотрите таблицу 3) дифференцирует людей кластер, в который входят ценности «внимание к людям», «милосердие», «вера», «уважение к родителям», «здоровье»). Затем кластер «долг», «убеждения», «законность», «порядочность», «справедливость», «независимость», «свобода» и, наконец, «мир», «родина», «безопасность». Причем эти кластеры соответственно с весами около 0,9 определили содержание третьего, второго и первого компонента. Ниже приводятся как трехмерное, так и отдельно двумерные проекции расположения каждого (из 6000) опрошенного в пространстве трех факторов. Наглядно видные на проекциях разряжения между группами с хорошо определенными границами дают нам веское основание для деления людей на группы по каждому из факторов. Хотя деление по первому фактору, в отличие от второго и третьего, носит, скорее, искусственный характер, так как здесь нет тех диапазонов, не заполненных опрошенными людьми, которые наиболее ясно говорят о возможности деления на группы.

Нельзя не отметить и очень хорошую воспроизводимость полученной факторной структуры отдельно на материале каждой из четырех выборок. Видимо, это основано на очень хорошем воспроизведении формы распределения величин новых переменных для каждого из девяти кластеров. Поскольку рассматриваемые компоненты ортогональны друг другу, в том числе, и после вращения, постольку возможно рассмотреть группы отдельно по каждому компоненту. Было выделено пять групп по третьему фактору (восьмой кластер ценностей), пять групп по второму (первый кластер ценностей) и три группы по первому фактору (четвертый кластер ценно-

стей). Получившиеся группы имеют в ответах на ценностный блок вопросов свою специфику, наиболее яркую в крайних группах. Естественно, каждая группа отличается выбором ценностей из своего определяющего компонент кластера, но при этом иногда оказывается, что выбор ряда ценностей из других кластеров так же линейно связан с номером группы. И это справедливо не только для ценностей, но и для «антиценностей». Таким образом, мы получаем новые структурные характеристики выбора ценностей.

Подчеркнем, что основания для их получения были не теоретические конструкции, а эмпирические данные о связях ценностей. Причем эти данные о связях были получены благодаря использованию проективной методики, когда не было ни задачи выбора важных ценностей, ни задачи высказывания отношения к ним.

Таблица 3

Графемы послужили здесь своего рода мерой неосознаваемого эмоционального отношения к ценностям, надемся, без прямого влияния социальных установок. При этом оказалось, что получающиеся на этом основании структуры и блоки ценностей вполне соответствуют опыту экспертов, исследователей ценностной сферы россиян, не вызывая сомнений в реалистичности своего существования, однако именно такие конструкции, насколько нам известно, никакими теоретическими схемами ни социологов, ни культурологов, ни психологов ранее не предлагались. Нам кажется, это связано с тем, что, с одной стороны, были предприняты специальные усилия по полноте представления ценностной сферы людей, а, с другой стороны, обращение к графическим относительно древним символам дало возможность отойти от чисто словесного описания выбора людей.

Литература

- Кьеркегор, С.** 1993. *Или-или*. М.
- Овчинникова, О. В., Насиновская, Е. Е., Иткин, Н. Г.** 1989. *Гипноз в экспериментальном исследовании личности*. М.: Изд-во МГУ.
- Первин, Л., Джон, О.** 2001. *Психология личности. Теория и исследования* / пер. с англ. М.: Аспект Пресс.
- Садмен, С., Брэдбери, Н.** 2002. *Как правильно задавать вопросы. Введение в проектирование опросного инструмента* / пер. с англ. М.: Институт фонда «Общественное мнение».
- Смирнов, Л. М.**
1997. Стабильность и динамика структуры базовых ценностей россиян. *Ментальность россиян*. М.: При участии изд-ва АСТ.
2000. Коллективное бессознательное и базовые ценности. *Поиск истоков*. (Социоестественная история. Вып. 16). М.: Институт Востоковедения РАН.
2001. Изучение совместности выбора базовых ценностей. *Природа и культура* (Социоестественная история. Вып. 20). М.: Институт востоковедения РАН. С. 207–227.
2002. Ассоциация базовых ценностей и графических символов // *Развитие личности* 1: 138–149.

2002. Эмпирическое изучение базовых ценностей. *Мир России* 1: 166–183.

Флоренский, П. А. 2000. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях. *Собр. соч. Т. 7. История и философия искусства*. М.

Флоренский, П. А., Ларионов, А. И. 1984. «Symbolarium» Публикация: Некрасова Е. А. Неосуществленный замысел 1920-х годов создания «Symbolarium'a» (словаря символов) и его первый выпуск. *Памятники культуры* 1982: 99–115. Л.

Шмелев, А. Г. 2002. *Психодинамика личностных черт*. СПб.: Речь.

Brown, D. E. 1991. *Human universals*. Philadelphia.

Chomsky, N. 1988. *Language and problems of knowledge*. Cambridge.

Gombrich, E. H. 1979. *The sense of order. A study in the psychology of decorative art*. Oxford. Phaidon.

Goodman, N. 1968. *Languages of Art*.

Kellogg, R. 1969. *Analyzing children's art*. Palo Alto, CA: National Press Books.

Rokeach, M. 1973. *Nature of human values*. N. Y.: Free Press.

Understanding Human Values / ed. by Rokeach M. N.Y.: Free Press, 1979.

Schwartz, S. H. 1992. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology* 25.

Schwartz, S. H., Sagiv, L. 1995. Identifying culture-specifics in the content and structure of values. *Journal-of-Cross-Cultural-Psychology*. Jan. 26 (1): 92–116.

Smith, P. B., Peterson, M. F., Schwartz, S. H. 2002. Cultural Values, Sources of Guidance, And Their Relevance to Managerial Behavior. A 47-Nation Study. *Journal-of-Cross-Cultural-Psychology* 33 (2): 188–208.

Sperry, P. 1975. Bridging science and values. *The centrality of science and absolute values*. N. Y.